

Юлия Говорухина

DOI 10.15290/sw.2019.19.03

Сибирский федеральный университет
Кафедра журналистики и литературоведения
Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Калининграде
Кафедра русского языка
tel.: +89 114 515 686
e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>

Художественное произведение в идеологическом контексте литературной критики

Ключевые слова: литературная критика, идеологический дискурс, интерпретация, современная литература

Литературное произведение функционирует в сложно структурированном поле литературы, испытывая воздействие целеполаганий различных агентов поля. Оно присваивается в качестве символического капитала, в том числе литературной критикой. Русская литературная критика на протяжении всей истории ее развития представляла от идеологии. Идеология в данном случае понимается нами широко, как форма знания, которая представляет собой тематизацию «своих» ценностей [Барт 1975], как относительно упорядоченный, развивающийся набор коллективных идей и убеждений, выраженных в семиотических, ритуальных художественных или поведенческих формах [Мусихин 2013, 223]. В этом смысле идеологии не только почвенническая, славянофильская, народническая или марксистская критика, но и эстетическая. Идеологии каждого нового исторического периода представляют свои ценностные «сетки», которые набрасываются на литературные тексты, стимулируя к вычитыванию нужных смыслов. Определяющую роль в этом процессе играет литературная критика. Критик занимает срединное положение

ние между текстом/автором и читателем, и это позволяет ему вести двойной диалог. Именно критик способен повлиять на интерпретацию и оценку текста читателем, задать необходимые «маршруты» восприятия.

Критические суждения, действительно, могут быть рассмотрены как формы политического, идеологического высказывания. Критика идеологически направленно присваивает новые и уже известные литературные факты, означивая их как «свои», «чужие», «классические», «народные» и т. п. По словам Т. Иглтона, история критики является частью истории тех или иных идеологических формаций, каждая из которых артикулирована через набор привилегированных критических практик [Eagleton 1976, 20–21].

Одна из целей в структуре целеполагания критика – воздействие, убеждение. Критик воздействует на ценностные установки читателя и одновременно учит «правильной» интерпретации и оценке. Критик прокладывает «правильные» (с точки зрения той идеологии, которую он представляет) «маршруты интерпретации». На языке семиотики это звучит так: критик кодирует интерпретанту, учит навыку.

На сегодняшний день снижение накала идейной борьбы между «толстыми» журналами привело к тому, что противостояние либеральной и патриотической критики не ощущается так зримо, как в 1970–80-е годы. Тем не менее «патриотические» литературные журналы и газеты продолжают успешно функционировать, не снижая идеологический градус. Он ощущается в публицистических текстах, в литературной критике, публичных выступлениях патриотов.

Литературная критика как «идеологическое говорение о тексте» присваивает художественное произведение, вычитывая нужные смыслы и игнорируя неактуальные. Ее функционирование иллюстрирует мысль М. Фуко, который определял речь как инструмент освоения реальности, в ходе которой не только осваивается и «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, соответствующие мыслительные конструкции [Фуко 1996a]. Заметим, что понятия «дискурс» и «идеология» здесь сближаются. Эта тенденция проявляется в исследованиях Т. ван Дейка, который считает, что дискурс всегда идеологически окрашен [Dijk T. Van 2006], в высказывании Л. Альтюссера: *«Нет практики, кроме той, которая осуществляется посредством и в рамках некоей идеологии»* [Althusser 2008, 44]. Идеологически-дискурсивная составляющая критики, которая способна объяснить особенности «способа говорения» о литературе, до сих пор остается практически неисследованной.

Рассмотрим, как она проявляется на материале современной патриотической критики, опубликованной в журнале *Наши современники* и посвященной современному литературному процессу.

В основе нашего исследования будут лежать следующие теоретические и методологические положения.

1. Литературно-критический дискурс мы осмысливаем как дискурс властный [Говорухина 2013]. Это утверждение сопрягается с мыслью М. Фуко о том, что язык колонизирован властными значениями.

2. Мы предполагаем, что имеют место такие установки, которые определяют порождение текста и могут не осознаваться автором. По мнению Ж. Деррида, письмо организует себя посредством ритуализированных практик [Деррида 2000]. Патриотическая критика демонстрирует специфическую «освященность» использования тех или иных приемов. Владение ими оказывается знаком принадлежности «своим».

3. Нами используется следующее определение дискурса: сложившиеся способы, правила, логика обсуждения чего-либо, «способ говорения», репрезентируемый в тексте.

4. Литературно-критическое суждение мы относим к типу ментативного высказывания. Ментатив – класс дискурсивных практик, которые предполагают некоторое ментальное событие в сознании адресата [Тюпа 2006, 40]. Критик способен воздействовать на ценностные установки читателя, одновременно «обучая» его интерпретации и оценке.

«Патриотическая» литературная критика должна быть осмыслена как идеологическая исходя из следующих дискурсивных признаков:

Во-первых, критики-«патриоты» – единомышленники, чья самоидентификация предполагает оппозицию «мы/свои – они/чужие/враги». Эта оппозиция определяет структурирование «патриотом» литературного поля.

Во-вторых, в критических статьях патриотов представлена интерпретация мира (литературного в том числе), в которую вписаны и сами патриоты, а это свойственно идеологическим суждениям. Призывы и прямые идеологические суждения в патриотической критике нередки. В. Гусев так определяет установки патриотического мировидения: признание первенства в сущем мире светлого духовного начала; принцип верности Природе; национального начала как обязанности и ответственности; братства людей с объединяющей ролью русского языка [Гусев 1996, 159].

Усиление национально-патриотической идеологии политологи объясняют ситуацией кризиса национальной идентичности, «утратой

чувств исторической перспективы и понимания уровня самооценки нации» [Кара-Мурза и др. 1995, 6]. Патриоты (в том числе критики-патриоты) провозглашают истинные ориентиры взамен тех, которые называют ложными, опасными.

Идеология – это нечто вроде интерпретационной рамки. В литературной критике это рамки интерпретации и оценки текста или литературного явления, имеющие идеологическую подоплеку и ориентиры в виде таких понятий, как православие, русскость, реализм, народность и др. Эти рамки позволяют разделить произведения и авторов на «своих» и «чужих», определить стратегии присвоения.

Содержательно идеологическая основа литературно-критического текста проявляется (кроме прямых высказываний об убеждениях группы) в прямых оценках («свой – чужой», «народный – антинародный» и т.п.), в проговаривании критериев оценки текста, писателя или героя, неявно – в тропике, системе символов, тактиках захвата и переозначивания литературных фактов.

Патриотический литературно-критический дискурс бинарен, оперирует оппозициями «добро – зло», «столица – провинция», «Родина – заграница», «православный – иноверец», «свой – враг», «русский – антирусский» и др. Бинарность исключает нейтральность, апелляцию к общечеловеческому (слишком абстрактному и нивелирующему национальную специфику, по мнению «патриотов»). Последнее ощутимо в высказываниях Н. Федя: *«Впрочем, есть тут один правдолюб в тельняшке, виртуоз известный, тоже академик и наставник экс-президента, но сейчас он занят общечеловеческим врагьем»* [Федь 1993б, 222]; П. Богдана: *«Но Быков обвиняет, и обвиняет не как бывший фронтовик и патриот, а как общечеловек...»* [Богдан 1994, 268]. Позиция нейтралитета для патриота – позиция «чужого», позиция снятия ответственности.

«Свой» писатель размышляет о судьбе народа, родины, его обеспокоенность вычитывается критиками. Так, в романе Ю. В. Бондарева *Непротивление* А. Василенко слышит голос писателя, *«томимого духовными исканиями»* [Василенко 1995, 229]. В *Русском лесе* голос Л. Леонова М. Лобанов уподобляет мощному органному звучанию, вбирающему *«в себя раздумья автора о судьбе народа...»* [Лобанов 1994, 241]. Боль и истовую веру обнаруживает критик А. Власенко в произведениях А. Крыта: *«Главное достоинство произведения Алексея Крыта заключается (...) в проникновенном, ярком изображении светлой души народной. Оно принадлежит (...) истинному художнику, сумевшему рассказать о трагедийной жизни и с болью сердеч-*

ной, и с верой в преодоление великого горя...» [Власенко 1993, 226]. Этим равнодушием «свой» писатель способен заразить читателя: *«Когда размышляешь о нравственном возвышении этого писателя [А. Знаменского – Ю.Г.], на душе становится светло и радостно (...) Мы с болью в сердце следим за судьбой персонажей»; «нас охватывает чувство безнадежности и одиночества, наконец, гнетет тоска и нездешняя печаль. Нечем дышать, тьма кругом...»* [Федь 1993б, 213, 218].

«Чужой» писатель не обременен переживаниями: *«Ни Свириденков, ни Сенчин (а к ним можно прибавить еще одно имя – Маргариты Шараповой) совершенно не озабочены никакой идеологией поколения»* [Кокшенева 2002, 271]. Патриотическая критика нередко отождествляет автора и его героя, художественную реальность и действительность. Так, бесстрастная реплика «то ли Петрушевской, то ли ее персонажа» называется кощунственной, циничной: *«автор раскрывает именно свой, индивидуальный мир, которому присуще безжалостное равнодушие к людям...»* [Ованесян 1992, 250]. Если интерпретируется «свой» текст, ценные качества личности писателя умножаются, если «чужой» – демонстрируются изъяны мысли и души.

Составляющей символического капитала критики является русская литературная классика. Отклонение от традиции объявляется патриотами чуждым, считается признаком «чужого». Так, по мнению Е. Ованесяна, С. Чупринин святотатствует, объясняя причины успеха Т. Толстой ее *«отказом и от “священных для многих постулатов жизнеподобия”, и от еще более священной установки на тепловатое сочувствие к любому литературному персонажу»* [Ованесян 1992, 252].

Идеологически окрашенными в патриотической критике являются понятия «центр», «провинция», «русский», «русская природа». Писатель из провинции искренен и правдив в описании жизни народа. Нынешняя либеральная интеллигенция, по мнению критиков-патриотов, не способна поверить в народные образы, считает их выдуманными (настолько она далека от истинной народности). Способность же понять, например, народную северную правду, запечатлеть жизнь поморских охотников делает Павла Кренёва самым настоящим народным писателем [Бондаренко 2018]. Интерпретируя стихотворение Н. Рубцова *Звезда полей*, А. Башилов видит в нем художественную реализацию решения автором важной психологической задачи – идентификации самого себя как русского человека: *«Рубцов устремлен в другой идеал, ему нужна Россия-Русь, исторически глубинная. Не преобразованная*

и обрубленная по заморским искривленным понятиям, а естественно выправленная в исторической правде, настоящая (...) Рубцову удастся видеть идеал, потому что видит не измененную во времени, сохранившуюся до сих пор главную составляющую часть образа Руси – природу и человека» [Башилов 2018, 278].

А. Никольская, В. Нарбикова, А. Геласимов, Е. Попов, П. Крусанов, Д. Быков – молодые писатели, «присвоенные» либеральной критикой, означенные ею как «свой» в либеральном поле, – имеют, по мнению патриотов, искаженный взгляд на деревню/провинцию. Это взгляд, запечатляющий зло, распад, пьянство, воровство, телесное, выбор материальных ценностей. «Свой» писатель-патриот видит в ней «живую боль и свет» [Курбатов 2017, 257].

Нередко критик-патриот уже в начале статьи задает актуальный идеологический контекст прочтения книги. Так, П. Ткаченко посвящает свою работу «Что было впереди?» роману В. Белова «Все впереди». Во введении критик выводит оппозицию «народ – интеллигенция», в которой интеллигенция – это шестидесятники, впавшие в невменяемость (такова, по мнению П. Ткаченко, природа всякой революции). Критик объясняет причину неоченности романа либеральной критикой: узнали себя в романе; проводит параллель с подобным же неприятием либеральной общественностью романа Н. Лескова *Некуда*. «Либералы (бесы и духи революции) жанрово ограничили роман, назвав его семейно-бытовым, городским» [Ткаченко 2017, 260]. Критик-патриот восстанавливает справедливость, называя роман мировоззренческим, идеологическим.

«Присваивая» тексты, патриоты одновременно используют тактику усиления оппозиции «свой – чужой». Так, говоря о книге стихов А. Шацкова *Первозимье*, Н. Переяслов не упускает возможность иронично оценить публикации в либеральных журналах как поток новых формальных направлений, которые подменяют художественность «мертворождаемым конструированием холодных метафор, так же, как у Семена Кирсанова, Дмитрия Пригова». В отличие от них *Наш современник*, *Молодая гвардия*, *Москва* выбрали путь «глубокой философской наполненности, показывающей верность родной земле, ее истории и близким нам людям – родителям, друзьям, любимым и тем, кто положил свои жизни на алтарь родного Отечества» [Переяслов 2017, 281–282].

Для каждой идеологии важно продемонстрировать свою жизнеспособность и актуальность. Лучший способ сделать это – омолодить ее носителей. Удачный либеральный проект «новый реализм», вывед-

ший молодое поколение писателей, обласканных либеральной критикой в «нулевые», повторяют «патриоты» в 2016 году. Проект «новый традиционализм» активно реализуется *Нашим современником* с использованием всех идеологически окрашенных номинаций. Подаваемый как *«идеальная современная литература»*, новый традиционализм, по мнению А. Тимофеева, воплощает в своих произведениях народное самосознание, стремится понять, как русский народ воспринимает современный исторический этап своего развития, выражает христианское мировоззрение [Тимофеев 2016].

Критика патриотов как идеологический дискурс борется за еще неопределившегося читателя. Такого случайного читателя, еще не своего, патриот представляет как обманутого и дезориентированного. Образ читателя-жертвы создает Е. Ованесян в статье *Творцы распада: «Еще на заре перестройки, в период незабвенного “ускорения” и ныне забытого “большого социализма”, на мирного читателя, доверчиво потянувшегося к первым росткам демократии и гласности, хлынул доселе прозябавший в литературных катакомбах и кулуарах поток вседозволенности всех видов и направлений»* [Ованесян 1992, 249]. По мнению В. Гусева, в ситуации отсутствия государственной идеологии *«подавляющее большинство народа находится в духовном смятении, оно не знает, куда прислониться»* [Гусев 1996, 159]. Ведомый читатель доверчив и наивен. Он будто ребенок, легко вводимый в заблуждение, искушаемый, бессильный без помощи взрослого. Таким «взрослым» становится критика патриотов. Эта дискурсная роль определяет коммуникативную стратегию критических текстов.

Слабость и доверчивость неопределившегося читателя отличается от слабости интеллигента-предателя: *«последнее столетие отечественные Гераклы мысли, именующие себя не иначе как интеллигентами, только то и делают, что клеветают на народ, кормивший их, а потом по-щенячьи скулят у подворотни Истории»* [Федь 1993б, 214]; *«...некоторая часть интеллигенции, в очередной раз предав интересы народа, тихонько скулит и, забившись в пыльный угол, жалуется на свою разнесчастную судьбу»* [Федь 1993а, 232]. Патриоты используют оппозицию «служение-служба». Сравним: *«Почитаем (...) и мы проникнемся его (Г. Горбовского. – Ю. Г.) (...) решимостью послужить России как родному существу»* [Горышин 1991, 189]; *«Подобострастно служба новой идеологии, современная литература впадает в еще больший вульгарный социологизм, еще решительнее порывает со своей природой и предназначением»* [Ткаченко 1995, 209]. Используемые коннотации идеологически

наполнены, это иллюстрирует утверждение Р. Барта о том, что коннотации можно использовать как метод идеологического воздействия [Барт 2001].

Наряду с интеллигентом-предателем появляется образ близкий слабому читателю. Это соблазнившаяся интеллигенция, осознающая свои ошибки и нуждающаяся в других ценностных ориентирах. Патриоты оправдывают ее, говоря о том, что *«лукавые идеологи “нового мышления” использовали ее в своих политических целях...»* [Федь 1993а, 236]. Задействуется архетип блудного сына, который осознал ошибки и вернулся к истинным ценностям. В. Курбатов отправляет своеобразный месседж: читатель, знай, что ты всегда можешь вернуться в свою *«терпеливую отчизну»* и *«как евангельский блудный сын»*, будешь принят с любовью [Курбатов 1991, 187].

Враг («чужой») изображается изошренным, он обладает фольклорной, почти мистической силой зла, обреченной на поражение. *«В низком словаре оппоненты всегда изобретательнее и только ждут искушающего повода доказать это, выверяя свой пошло-утонченный инструментарий в арбатском поэтическом бесстыдстве»* [Курбатов 1991, 189]; *«в литературном хаосе и неразберихе, иногда, впрочем, нарочитых и хорошо организованных»* [Гусев 1996, 157]. Стратегия «чужих» описывается с употреблением военной лексики (битва, схватка, оружие).

Сложность мысли, аналитики, терминологии «чужого» противопоставляются простоте «своего», где простота – отсутствие лукавства, двойного дна. Имплицитно здесь заявляется: мы говорим на языке народа. Враг демонизируется, последствия его действий катастрофичны, грозят разложением художественного процесса, нравственным банкротством, духовной энтропией и т.п. Врагов меньшинство, но это не делает их слабее, акцентируется исключительная жестокость: они осознанно проецируют свое зло на героев, на изображаемый ими мир, который сопротивляется и превращает новые тексты в поделки. Искусство тоже, как и читатель, становится жертвой.

Критику-патриоту свойственно отождествлять автора и его героя, художественную реальность и действительную. В случае интерпретации «своего» текста происходит отождествление-удвоение ценных качеств личности писателя, в противном случае – демонстрация серьезных изъянов мысли/души. Бесстрастная (нейтральная!) реплика *«то ли Петрушевской, то ли ее персонажа»* оценивается как кощунственная, циничная и нарочитая, и делается вывод: *«автор раскрывает именно свой, индивидуальный мир, которому присуще безжа-*

лостное равнодушие к людям...» [Ованесян 1992, 250]. Сама же Петрушевская, как и любой другой «чужой», оказывается в меньшинстве по сравнению с большой массой читателей, которые ценностно ориентированы иначе. Позиция меньшинства не делает «врага» слабее, акцентируется его редкая, невиданная жестокость (варианты: циничность, эгоизм, жадность и т. п.). Важно, что он умышленно, «насиленно» проецирует свое зло на героев, рисуемый мир, который будто сопротивляется, превращая новые тексты в поделки. Искусство в этой ситуации само, по мнению критика-патриота, становится жертвой (как и читатель).

В изображении «своего» используются дискурсные текстопорождающие формулы. Если «чужой» – баловень судьбы, то «свой» часто недооценен: *«Затерянные в городах и весях, нередко в неизвестности и нищете, не стремясь к славе и золу, они несли людям свет доброты и справедливости, восславляя родную землю...»* [Ованесян 1992, 251]. Переноса самые разные испытания, «свой» писатель остается неозлобленным. *«Казалось бы, все обстоятельства соединились, чтобы погасить свет души, отравить сознание безверием. (...) были и у Знаменского срывы, черные дни подозрительности и глухого отчуждения. (...) А ведь сдюжил, сохранив свежесть чувств и остроту ума, веру и доброту...»* [Федь 1993б, 213].

Идеологический дискурс, будь то либеральный или патриотический, апеллирует к авторитету, тому символическому капиталу, который имеет. Задача критика-патриота – подорвать значимость чужого капитала. Тексты П. Вайля и А. Гениса, авторитетных для либералов, оцениваются как лживые (акцентируется внимание на факте проживания в другой стране), труды Н. Лейдермана и М. Липовецкого – ложные в своей сложности. Заметим, что даже временное пребывание за границей может интерпретироваться как предательство. Еще одним признаком «чужого» является материальная обеспеченность: *«Их (авторов «другой прозы» – Ю. Г.) личный быт куда лучезарнее тяжкого существования огромной массы сограждан»* [Ованесян 1992, 260].

Роль символического капитала для патриотов играет русская литературная классика, которая в свое время задала верные эстетические ориентиры. С. Чупринин, в оценке патриота Е. Ованесяна, почти святотатствует, когда объясняет причины успеха Т. Толстой ее *«отказом и от “священных для многих постулатов жизнеподобия”, и от еще более священной установки на тепловатое сочувствие к любому литературному персонажу»* [Ованесян 1992, 252]. Также символическим капиталом патриотов является русский народ. Русскость – один из

главных критериев в означивании «свой – чужой». У «чужих» «ничего общего с русской не имеющая речь» [Ованесян 1992, 256], антирусская элита демонстрирует признак вырождения (духовного, морального, даже физического) [Лобанов 1994, 241].

«Свой» писатель, как правило, обладает неким сверхкачеством, Знанием, которое интуитивно, от природы, от Бога получил писатель. Например, А. Знаменский, «острее, чем другие, переживает ее (родины. – Ю. Г.) трагическое состояние» [Федь 1993б, 213]; Л. Леонов в *Пирамиде* предчувствует неизбежную экологическую катастрофу [Лобанов 1994, 241]; Тамара Краснова-Гусаченко «в своем творчестве сумела прикоснуться к таким глубинам души, где таятся и воспоминания, и предчувствия Небесной Гармонии» [Шамякина 2013, 281]. В статье *Отверженный поэт* В. Бондаренко говорит о прозрении Н. Тряпкина: «Его пророческое потаенное слово шло откуда-то из глубины глубин мистической Руси в поисках утраченных истоков, первооснов народного слова. Он был нашим русским дервишем, понятным (...) и в то же время не понятным почти никому в своих магических эзотерических прозрениях» [Бондаренко 2002, 254]. Борис Примеров в статье В. Бондаренко «видит мир как бы из какого-то дальнего и провидческого сна (...). В таланте есть пророческий дар – он видел всю пустоту и гнусность режима новых людей» [Бондаренко 2000, 257].

Итак, анализируя литературно-критические статьи «патриотов», мы погружаемся в специфическую коммуникацию, которая осуществляется как между критиком и читателем, так и между критиком и «порядком» дискурса. Существует доктрина («внутренний механизм контроля над производством дискурса» М. Фуко), которая «связывает индивидов с некоторыми вполне определенными типами высказываний и тем самым накладывает запрет на все остальные (...) она пользуется некоторыми типами высказываний, чтобы связывать индивидов между собой и тем самым отличать их от всех остальных» [Фуко 1996а, 74]. Эта доктрина определяет способ видения мира, способ упорядочивания действительности и проявляется в осознаваемых и неосознаваемых правилах обговаривания фактов литературы, в когнитивных установках, которые порождают патриотические тексты. Это и восприятие литературно-критической деятельности как борьбы с изошренным «врагом», и мышление оппозициями (с инвариантом «свой – чужой»), и предположение катастрофических последствий в случае победы «чужой» идеологии, и обвинительный, разоблачающий, запрещающий способ говорения о «чужом».

При всей очевидной идеологической составляющей патриотической критики, которая может вызвать неприятие у читателя, она является важной частью литературного российского ландшафта. Критики-патриоты вписывают в литературный процесс произведения, не входящие в поле зрения критиков-либералов, делая тем самым наше представление о литературной ситуации полной и объемной. Более агрессивные, они оказываются и более гибкими в использовании различных тактик захвата и переозначивания «чужих» литературных фактов. Сила критиков-патриотов – в прочной идейной и эстетической установке, которая позволяет им избежать драматичного опыта переосмысления своих целей, статуса, взаимоотношений с читателем, который переживала в 1990-е критика либеральная. Способна ли сегодня патриотическая критика повлиять на состояние литературы? В какой-то степени, но лишь на «свое» литературное поле – на столько, на сколько вообще критика может в новейшее время направлять развитие литературы.

Литература

- Bart R., 1975, *Osnovy semiologii*, [v:] *Strukturalizm: «za» i «protiv»*, Moskva. [Барт Р., 1975, *Основы семиологии*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва.]
- Bart R., 2001, *S/Z*, Moskva. [Барт Р., 2001, *S/Z*, Москва.]
- Vašilov A., 2018, *Zvezda polej*, [v:] *Naš sovremennik*, № 1. [Вашилов А., 2018, *Звезда полей*, [в:] *Наш современник*, № 1.]
- Bogdan P., 1994, *Za skol'ko prodalsâ Vasil' Bykov?*, [v:] *Molodaâ gvardiâ*, № 8. [Богдан П., 1994, *За сколько проданся Василь Быков?*, [в:] *Молодая гвардия*, № 8.]
- Bondarenko V., 2000, *Žizn' s otkryтым serdcom*, [v:] *Naš sovremennik*, № 2. [Бондаренко В., 2000, *Жизнь с открытым сердцем*, [в:] *Наш современник*, № 2.]
- Bondarenko V., 2002, *Otveržennyj poët*, [v:] *Naš sovremennik*, № 8. [Бондаренко В., 2002, *Отверженный поэт*, [в:] *Наш современник*, № 8.]
- Bondarenko V., 2018, *Pevec pomor'â*, [v:] *Naš sovremennik*, № 1. [Бондаренко В., 2018, *Певец поморья*, [в:] *Наш современник*, № 1.]
- Vasilenko A., 1995, *Nužen li čitateľu novyj roman Ūriâ Bondareva?*, [v:] *Molodaâ gvardiâ*, № 10. [Василенко А., 1995, *Нужен ли читателю новый роман Юрия Бондарева?*, [в:] *Молодая гвардия*, № 10.]
- Vlasenko A., 1993, *Narod v bede*, [v:] *Molodaâ gvardiâ*, № 7. [Власенко А., 1993, *Народ в беде*, [в:] *Молодая гвардия*, № 7.]

- Govoruhina Ū. A., 2013, *Vlast', zaprety, narušenîâ bez nakazaniâ v sovremennoj literaturnoj kritike*, [v:] *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 119. [Говорухина Ю. А., 2013, *Власть, запреты, нарушения без наказания в современной литературной критике*, [в:] *Новое литературное обозрение*, № 119.]
- Goryšin G., 1991, *Segodnâ. Včera. Vsegda*, [v:] *Naš sovremennik*, № 10. [Горышин Г., 1991, *Сегодня. Вчера. Всегда*, [в:] *Наш современник*, № 10.]
- Gusev V., 1996, «Svoi»?, [v:] *Naš sovremennik*, № 4. [Гусев В., 1996, «Свои»?», [в:] *Наш современник*, № 4.]
- Derrida Ź., 2000, *Pis'mo i različie*, *Sankt-Peterburg*. [Деррида Ж., 2000, *Письмо и различие*, Санкт-Петербург.]
- Kara-Murza A. A., Panarin A. S., Pantin I.K., 1995, *Duhovno-ideologiĉeskaâ situaciâ v sovremennoj Rossii: perspektivy razvitiâ*, [v:] *Polis*, № 4. [Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И.К., 1995, *Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития*, [в:] *Полис*, № 4.]
- Kokšeneva K., 2002, *Vse ta že ljubov'... Proza molodyh: mify i real'nost'*, [v:] *Naš sovremennik*, № 7. [Кокшенева К., 2002, *Все та же любовь... Проза молодых: мифы и реальность*, [в:] *Наш современник*, № 7.]
- Kurbatov V., 1991, *Vtoroe utro*, [v:] *Naš sovremennik*, № 11. [Курбатов В., 1991, *Второе утро*, [в:] *Наш современник*, № 11.]
- Kurbatov V., 2017, *Zdravstvuj, zavtra!*, [v:] *Naš sovremennik*, № 2. [Курбатов В., 2017, *Здравствуй, завтра!*, [в:] *Наш современник*, № 2.]
- Lobanov M., 1994, *Bremâ «Piramidy»*, [v:] *Molodaâ gvardiâ*, № 9. [Лобанов М., 1994, *Бремя «Пирамиды»*, [в:] *Молодая гвардия*, № 9.]
- Musihin G. I., 2013, *Očerki teorii ideologij*, *Moskva*. [Мусихин Г. И., 2013, *Очерки теории идеологий*, Москва.]
- Ovanesân E., 1992, *Tvorcy raspada (tipiki i anomalii «drugoj prozy»)*, [v:] *Molodaâ gvardiâ*, № 3/4. [Ованесян Е., 1992, *Творцы распада (типичи и аномалии «другой прозы»)*, [в:] *Молодая гвардия*, № 3/4.]
- Pereâslov N., 2017, *Poslednij obereg*, [v:] *Naš sovremennik*, № 8. [Переяслов Н., 2017, *Последний оберег*, [в:] *Наш современник*, № 8.]
- Timofeev A., 2016, «*Novye tradicionalisty*» *kak budušeë russkoj literatury*, [v:] *Naš sovremennik*, № 10. [Тимофеев А., 2016, «*Новые традиционалисты*» *как будущее русской литературы*, [в:] *Наш современник*, № 10.]
- Tkaĉenko P., 1995, *Krešeňe bez kresta: sovremennââ proza o nesovremennoj armii*, [v:] *Molodaâ gvardiâ*, № 5/6. [Ткаченко П., 1995, *Крещение без креста: современная проза о несовременной армии*, [в:] *Молодая гвардия*, № 5/6.]
- Tkaĉenko P., 2017, *Čto bylo vperedî?*, [v:] *Naš sovremennik*, № 7. [Ткаченко П., 2017, *Что было впереди?*, [в:] *Наш современник*, № 7.]
- Tjupa V. I., 2006, *Kommunikativnyye strategii teoretiĉeskogo diskursa*, [v:] *Kritika i semiotika*, № 10. [Тюпа В. И., 2006, *Коммуникативные стратегии теоретического дискурса*, [в:] *Критика и семиотика*, № 10.]

- Fed' N., 1993a, *Spor o teni osla, ili literatura sozidaniâ?*, [v:] *Molodaâ gvardiâ*, № 3. [Федь Н., 1993а, *Спор о тени осла, или литература созидания?*, [в:] *Молодая гвардия*, № 3.]
- Fed' N., 1993b, *Strašnye sud'by čelovečeskie*, [v:] *Molodaâ gvardiâ*, № 5/6. [Федь Н., 1993б, *Страшные судьбы человеческие*, [в:] *Молодая гвардия*, № 5/6.]
- Fuko M., 1996a, *Arheologiâ znaniâ*, Kiev. [Фуко М., 1996а, *Археология знания*, Киев], [online] http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh, [24.03.2014].
- Fuko M., 1996b, *Porâdok diskursa*, [v:] *Volâ k istine: po tu storonu znaniâ, vlasti i seksual'nosti*, Moskva. [Фуко М., 1996б, *Порядок дискурса*, [в:] *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*, Москва.]
- Šamâkina T., 2013, «*Neba kolokol b'et nado mnoj...*», [v:] *Naš sovremennik*, № 7. [Шамякина Т., 2013, «*Неба колокол бьет надо мной...*», [в:] *Наш современник*, № 7.]
- Althusser L., 2008, *Ideology and Ideological State Apparatuses*, [v:] *On ideology*, London.
- Dijk T. van, 2006, *Ideology and Discourse Analysis*, [v:] *Journal of political ideologies*, № 11 (2).
- Eagleton T., 1976, *Criticism and Ideology: A Study in Marxist Literary Theory*, London.

ARTWORK IN THE IDEOLOGICAL CONTEXT OF LITERARY CRITIQUE

SUMMARY

Key words: literary critique, ideological discourse, interpretation, modern literature

Critical judgments are forms of political and ideological statements. Criticism assigns new and already known literary facts, meaning them as “own”, “foreign”, “classical”, “folk”, etc.

The analysis of the literary critique of the “patriots” reveals a specific communication, which is carried out both between the critic and the reader, and between the critic and discourse. There is a doctrine that determines the way of seeing the world, the way of ordering reality and is manifested in the conscious and unconscious rules of speaking about the facts of literature, in cognitive presuppositions that generate patriotic texts. This is the perception of literary-critical activity as a struggle with a sophisticated “enemy”, thinking by opposition, the assumption of catastrophic consequences in the case of the victory of “alien” ideology, accusatory way of talking about “alien”.

